

\*\*\*

В этих лиственных лесах,  
В этих смешанных,  
Точно гирилки на часах  
Мы подвешены.  
В голове моей ку-ку,  
Стрелки сложены.  
Подойду к боровику  
С острым ножиком.  
Костяника по траве  
Красной россыпью.  
Стрекоза и муравей  
Голы, босые.  
Всё исполнено любви —  
Место дикое,  
Мне на мокрый дождевик  
Время тикает.

\*\*\*

Мне любо в Монголии внутренней  
Свой кофе потягивать утренний.  
Смотреть, как по небу страны  
Верблюды плывут и слоны.  
Как ветер нас делает полыми,  
Свободными злыми (гла) монголами,  
Идём от луны до луны,  
Гоняя в степи табуны.  
И дым поднимается кольцами,  
И стадо гремит колокольцами.  
В достатке кумыс и кошма.  
И, кажется, смерть отошла.

\*\*\*

А ты как девушка сенная  
На память вяжешь узелки,  
Платочек севера сминая  
Над тополями у реки.  
Ни резвостью усталых ножек,  
Ни ловкостью не блещешь рук:  
То невзначай уронишь ножик,  
То чашку опрокинешь вдруг.  
Но между делом в доме чисто.  
А барыня вопит: уйди!  
Стоишь, как яблоня ветвиста,  
Качаешь птичку на груди.

\*\*\*

Вдыхаешь жар и выдыхаешь жар,  
Как будто дышишь из последних жабр.  
И чувствуешь гортанью воспалённой,  
Как протекает воздух раскалённый.  
Так, видно, рыбы чувствуют в аду,  
Когда рыбак, приставленный к труду,  
На берег свой выпрастывает сети:  
Взлетаешь ввысь и умираешь в свете.

\*\*\*

Прозрачна туча на просвет,  
Но завихрения у ней.  
Выходят люди на проспект  
Забавной стайкой окуней.  
Плывут по делу или без,  
Короче, шляются окрест.  
Но туча поднимает жезл,  
И начинается оркестр.  
Такой разносится ба-Бах,  
Такой Арам Хачатурян,  
Что мокнут классики в гробах,  
В провалах оркестровых ям.  
О как симфония течёт,  
Как льёт на запад и на юг!  
А звуки все наперечёт:  
Оглох Бетховен, глючит Глюк.

\*\*\*

Опрокинешь ковш Большой Медведицы —  
Заструится ливень из ковша.  
И гроза застонет и засветится,  
Точно бесприютная душа.  
Вот она взлетает в белом саване,  
Потрясая молний кандалы.  
И лежит деревня тихой сапою,  
И деревьев мечутся стволы.

\*\*\*

И ночь была, и длился ясный день.  
И рдел очаг, чего ему не рдеть?  
И спорилась работа — форма спора.  
И старились. И умирали скоро.  
Однажды мёртвых стало большинство.  
Но не кончалось жизни вещество.  
Менялись обстоятельства, детали,  
Как будто живших жмурики питали,  
Как паруса подпитывает ветер.  
И не было границ меж тем и этим.

\*\*\*

Нам степь рисует Эндрю Уайет  
По колоску, по колоску.  
Но он бывает, выпивает,  
Пытаясь вытравить тоску  
По этим кривеньким хибарам,  
И по соломенным валкам.  
Где суховеи правят балом  
На радость лисам и волкам.  
А иногда Ван Гог бывает,  
Ворон рисует и быков.  
И он, конечно, выпивает,  
Но не чурается валков.  
С утра поедет, как просохнет,  
Пичуга — порх из-под колёс.  
А в поле высится подсолнух,  
И зреют гречка и овёс.

\*\*\*

Откроешь шкаф, а там повешенный  
Твой старый плащ, тобой отверженный,  
Тобой не ношенный пиджак  
И кофты старые лежат.  
Вот пара туфель века прошлого,  
Когда-то щеголяли ножками.  
А нынче странные дела,  
Какая ножка подвела?  
Вот платья лета невесомые,  
Сезанном будто нарисованы  
Сто лет уже как неносимые,  
Как будто гири неподъёмные.  
Откроешь шкаф,  
А там, галактики:  
Перчатки, кружева, халатики,  
Плывут костюмов корабли  
В межгалактической пыли.  
И с каждым годом шкаф коварнее:  
С той стороны таится Нарния,  
Там ход времен неумолим.  
И моль плюёт на нафталин.

\*\*\*

Наш виноград созрел почти,  
И на просвет прозрачны зёрна.  
Он пахнет свежестью озёрной —  
Ты по губам его прочти:  
Его округлый сладок слог,  
В нем зной, и горлинки камланье,  
И виноградя старанье —  
Он все вобрал в себя, что смог.